

Феликс Ягер глядел вниз с мостика „Духа Грунгни“. Он был высоким широкоплечим блондином с узкими бёдрами. У него было загорелое лицо, а вследствие постоянных волнений от внешних уголков глаз расходились морщинки, которым обычно не место на лице в столь молодом возрасте. Однако, как впервые вынужден был признать Феликс, за прожитую жизнь на его долю выпало беспокойства больше чем положено.

Его руки сжимали массивный штурвал воздушного корабля, которым он корректировал курс, направляя могучее судно напрямик туда, где должен находиться, по его разумению, выход из Пустошей Хаоса. Рука Феликса по-прежнему болела от ожогов, которые он получил, воспользовавшись молотом Огнебородого. Радовало уже то, что он хоть способен этой рукой брать предметы. Феликсу повезло. Лечебная мазь гномов сделала своё доброе дело.

Острые глаза Феликса пристально разглядывали искажённую землю внизу, наблюдая, как безводная полупустыня разворачивается перед „Духом Грунгни“. Ему показалось, что он различает вдали поднимающееся облако пыли.

Феликс вздрогнул. Что бы ни подняло эту пыль, вряд ли оно дружелюбно. Как, собственно, и всё прочее в здешних местах.

Он посмотрел на компас, понимая, что в Пустошах тому не всегда можно верить. Несколько раз Феликс видел, как магнетитовая иглолка вращается по кругу под воздействием злой магии. К счастью, сейчас они недалеко от края проклятых земель, и тут небо не всегда закрыто странно расцвеченными облаками, звёзды часто видимы ночами, а иногда и в тусклом свете дня. По ним он хоть как-то мог вести корабль. Несколько раз они далеко отклонялись от курса, прежде чем удавалось найти звезду, по которой можно было ориентироваться, и общее время в пути увеличивалось на лишние дни.

Феликс громко вздохнул. Он чрезвычайно устал. Теперь Феликса более не радовало, что Малакай Макайссон обучил его управлять судном, хоть это и позволяло заниматься делом, а не грузить мозг беспокойными мыслями о вещах вне его контроля.

Нос корабля поворачивался неторопливо, что неудивительно. „Дух Грунгни“ был загружен под завязку и даже чуть больше. Уцелевшие гномы крепости Караг-Дум, которые пережили последнюю смертельную схватку с демоном Кровожадным{2} и его приспешниками, заполняли каждую каюту и свободный закоулок на воздушном корабле. Трюм был до отказа забит сокровищами, которые они забрали из покинутой цитадели. Феликс гадал, как Харгрим и его люди воспримут свою новую жизнь вне Пустошей.

Двигатели громко гудели, ведя корабль против ветра. Феликс чертыхнулся. Похоже, даже сами стихии сговорились помешать их возвращению из Пустошей. Он подозревал, что не обошлось без зловредной магии. В землях под ними полно чародеев, поклявшихся служить Тёмным Силам, и легко было представить, как кто-то из них вызывает ветер, дабы замедлить воздушный корабль, или бурю, чтобы сбросить его на землю. „Дух Грунгни“ был защищён от непосредственного воздействия магии, но какой-нибудь чародей мог навредить и подобными косвенными способами.

Феликс постарался изгнать подобную мысль и подумать о чём-либо приятном. Он прикидывал: чем сейчас занимается Ульрика, скучает ли она по нему, и думает ли о нём вообще. Возможно, Ульрика уже его позабыла. Возможно, для неё Феликс лишь мимолётное увлечение. Все эти мысли вылетели у него из головы, когда он услышал позади громкие проклятия.

На мостик воздушного судна вошёл Готрек Гурниссон, недвусмысленными выражениями

заявивший о своём прибытии. Тяжёлой поступью он обходил командную палубу, пристально разглядывал начинающих инженеров и бросал гневные взгляды через кристаллическое окно, словно ожидая увидеть там врага, летящего по направлению к ним.

Принимая во внимание, что лишь несколько дней назад Готрек находился при смерти от ран, полученных в бою с Кровожадным Кхорна, на поправку гном пошёл поразительно быстро. Однако его внешний вид оставлял желать лучшего. Могучая грудь гнома была перебинтована. Огромный хохол выкрашенных в рыжий цвет волос высывался из тюрбана таких же бинтов, намотанных на голову. Под той же тканью скрывалась повязка, которая обычно закрывала пустую левую глазницу Готрека. Одна из рук была подвешена на перевязи, но гном всё же умудрялся в правой руке нести свой здоровенный топор. Это был впечатляющий поступок, учитывая, что Феликс едва поднимал то оружие обеими руками.

Несомненно, то обстоятельство, что после всего произошедшего Истребитель находится на ногах, было доказательством повышенной выносливости гномьего телосложения. Феликс понимал, что получив такие же ранения, как Готрек, он или любой другой человек был бы прикован к постели на месяцы, если бы вообще остался в живых.

— Чувствуешь себя лучше? — поинтересовался Феликс.

По проклятиям Готрека он уже получил ответ на этот вопрос.

— Чувствую себя так, словно по мне пробежалось стадо ослов, человеческий отпрыск.

— Улучшения есть?

— Да. Вчера я чувствовал себя так, словно проиграл Снорри Носокусу состязание по сшибке головами.

— Хорошо. Тебе повезло, что вообще сумел выжить. Так говорит Борец.

— И в чём тут везение, человеческий отпрыск? Если бы я пал в бою с тем проклятым демоном, то искупил бы свои преступления, а ты сочинил бы сагу о моей гибели. А сейчас я вынужден выслушивать храп и хвастовство Снорри Носокуса по поводу того, скольких звероловов он сразил. Верь мне, бывает участь куда хуже смерти.

Феликс удивлённо поднял бровь. Он достаточно неплохо знал гнома, чтобы понять, что сейчас тот пошутил. Как ни странно, учитывая открыто заявляемую цель его жизни — принять героическую смерть в бою, — слова Готрека не содержали сожаления по поводу того, что он остался в живых. Феликс подозревал, что даже расслышал в голосе Истребителя нотки исполненного печали удовлетворения, но дипломатично решил не упоминать об этом. Вместо того он сказал:

— Но погибни ты, не спасся бы никто из народа Караг-Дума, молот Огнебородого попал бы в руки хаосопоклонников, а великий демон Кровожадный исполнил свою месть расе гномов. Разве не следует быть благодарным, что этого не случилось?

— Возможно, тут ты прав, человеческий отпрыск.

— Ты знаешь, что я прав. И мы помогли Бореку проверить его теорию о местонахождении Караг-Дума. Мы отыскали затерянный город и возвратили священный молот.

— Нет необходимости вдаваться в такие подробности.

— А ещё мы успешно противостояли силам Тьмы, забрали солидный груз золота и...

— Я сказал...

— Феликс Ягер дело говорит, Готрек, сын Гурни, — раздался глубокий сдержанный голос.

Бросив взгляд за спину, Феликс увидел вошедшего на мостик Борека — пожилого гнома-учёного. Под грузом прожитых лет тот согнулся едва ли не пополам и при ходьбе опирался на посох, но была в нём какая-то энергичность и эмоциональное возбуждение, которых Феликс никогда не замечал ранее. Борека словно светился от оживления и ликования. Их успешный полёт в Караг-Дум, если можно назвать успешным участие в сражении, в котором погибла большая часть населения города гномов, придал смысл всей жизни Борека. Они вновь обрели молот Огнебородого и возвращают его народу гномов. Феликс полагал, что Борека думает о том, что они совершили выдающийся подвиг. Сам Феликс не был столь уверен. Подле учёного находился его племянник Варек, который сопровождал Феликса, Готрека и Снорри в затерянный город и сделал записи об их деяниях. Очки Варека отсвечивали на свету, что просачивался на командную палубу. Он радостно улыбался Феликсу и Готреку.

«Да уж, на то есть причина, — подумал Феликс. — Немногие гномы могут заявить, что пережили столкновение с демоном Хаоса».

Прямо позади них стоял Харгрим, сын Тангрима Огнебородого. В знак скорби по своему отцу он покрасил бороду в чёрный цвет своих одежд.

После смерти отца он стал предводителем народа Караг-Дума. Лицо его было мрачным как смерть. Глаза отражали такую печаль, что могла быть лишь у гнома, одновременно потерявшего и отца, и обиталище предков.

Феликс заметил, каким взглядом одарил его Борека. То был взгляд, не совсем подходящий старцу, чья седая борода ниспадает на пол. Во взгляде проскальзывало преклонение, отчего Феликсу становилось неловко. С момента возвращения Феликса из Караг-Дума похожим взглядом его удостаивало большинство гномов воздушного корабля. Феликс смог поднять молот Огнебородого и воспользоваться его мощью в бою с великим демоном. Феликс, несомненно, стал первым и единственным человеком со времён человека-бога Сигмара, совершившим подобный подвиг; и теперь гномы полагали, что он благословлён их богами. Феликс не особо ощущал на себе благословение. Всего лишь воспользовавшись мощью молота, он едва не погиб. Что до боя с демоном — Феликс надеялся, что никогда в жизни ему больше не придётся совершать подобный подвиг.

— Посмотрите вниз! — позвал Феликс.

Его острые глаза уловили движение на краю обширного облака пыли. Видят боги, оно огромно. Если эту пыль подняли люди, Феликс подозревал бы, что их там целая армия. Кто знает, что это может предвещать здесь, в Пустошах Хаоса?

Когда они приблизились, Феликс заметил группу фигур, скачущих по земле, поднимая огромное облако разноцветной пыли. С высоты полёта корабля те казались крошечными. Борека устали вниз через линзы своего пенсне.

— Что там? Говорите! Я ничего не могу различить.

— Пылевой след, — произнёс Готрек. — Там внизу всадники. Много всадников.

— Я бы сказал, несколько сотен. Рыцари Хаоса в чёрной броне. Скачут на юг, в том же направлении, что и мы.

— Твои глаза зорче моих, человеческий отпрыск. Верю тебе на слово.

— Это уже десятый отряд, что попался нам на глаза с момента вылета из Караг-Дума. Все двигаются в том же направлении.

Постепенно кое-что для Феликса стало очевидным. У него пересохло во рту, а сердцебиение ускорилося. Сейчас они пролетали над самым центром облака, и он смог разглядеть множество других фигур. Тысячи, возможно десятки тысяч. Ему показалось, что он различает уродливые тела звероловов и прочих, более омерзительных существ. Стало ясно, что те хаосопоклонники, которых они заметили ранее, были то ли отставшими, то ли арьергардом куда более значительного войска. Которое направляется напрямиком в земли человечества.

— Ради Грунгни, это же армия на марше, — услышал Феликс голос Варека.

Молодой гном поднёс к глазу подзорную трубу и пристально в неё смотрел.

— Она больше, чем войско, что осаждало Караг-Дум. Что происходит?

— Я боюсь, Силы Хаоса готовят новое вторжение на земли людей, — произнёс Харгрим. — Нигде мои люди не будут в безопасности.

Феликс содрогнулся от страха. Последняя вещь, которой бы хотелось кому-либо в землях людей — это полномасштабное вторжение последователей Сил Разрушения. Они многочисленны и могущественны, а после всего, что довелось повидать в Пустошах, Феликс подозревал, что лишь постоянная междоусобная борьба удерживает их от того, чтобы уничтожить человеческую цивилизацию.

— Хорошо. Намечается славный бой, — сказал Готрек.

— Мне кажется, совсем недавно уж этого-то ты получил предостаточно, — недовольно произнёс Феликс.

— Истребителю никогда не бывает достаточно сражений, Феликс Ягер, — заметил Борек. — Уж ты-то должен знать.

— К несчастью, сие мне известно.

На ум Феликсу пришла очередная тревожная мысль, от которой он пытался избавиться целый день.

— Если это вторжение, то орды Хаоса двинутся через перевал Удара Секиры{3}.

— Что с того, человеческий отпрыск?

— Прямо у них на пути лежит усадьба Ивана Страгова.

— Стало быть, нам следует поторопиться и предупредить их.

Феликс был напряжён и взволнован. Они пролетали через перевал. Перед ними лежали земли Кислева. Через несколько часов он снова увидит Ульрику. Феликс нервничал сильнее, чем признавался себе. Столь же сильно, как перед сражением, возможно, и того больше. Он

прикидывал, будет ли Ульрика рада встрече с ним. Он гадал: что она скажет, что он ответит, что на ней надето. Феликс покачал головой. Он понимал, что ведёт себя, как застенчивый школьник, но ничего не мог поделать. Много воды утекло с тех пор, как он испытывал к кому-либо подобные чувства. Это случилось впервые с момента гибели Кирстен в форте фон Диела, произошедшей, казалось бы, многие годы назад. Как жаль, что он принесёт с собой столь плохие вести.

Он приложил подзорную трубу к глазу и обследовал горизонт, надеясь заметить усадьбу. И был вознаграждён видом того, что показалось ему причальной башней. «Скоро, — думал Феликс, — уже скоро».

— С нетерпением ждёшь возвращения? — произнёс голос за его спиной.

Склонив голову, Феликс заметил Варека. Молодой гном смотрел на Феликса с какой-то застенчивостью, словно преклоняясь перед героем. Феликс не понимал причины. Спустившись в Караг-Дум, Варек перенёс все те опасности, что и Феликс, и принял участие в успешном завершении их поисков. Причин боготворить Феликса у Варека не было, однако тот явно думал иначе. На гноме был кожаный шлем и лётные защитные очки. На обратном пути Макайссон обучал Варека управлению гирокоптером. Феликс понял, что гном только что вернулся с вылета.

— Разумеется, Феликс ждёт, — вмешался Снорри Носокус. — Это заметно даже Снорри. Он собирается повидать свою подружку.

Снорри с пониманием подмигнул Феликсу. Не самое успокаивающее зрелище. Даже перебинтованный, Снорри Носокус был единственным из когда-либо встречавшихся Феликсу гномов, чей внешний вид был более устрашающим, чем у Готрека. И вряд ли это исправили раны, полученные Снорри в Караг-Думе.

Как и Готрек, Снорри состоял в культе Истребителей, поклявшихся искать героической смерти в бою. Как и у Готрека, приземистое обезьяноподобное туловище Снорри было покрыто татуировками. Однако, в отличие от Готрека, прямо из его обритой головы торчали три гвоздя. Они заменяли хохол волос, что носило большинство Истребителей. Будучи не самым умным гномом, Снорри, тем не менее, был довольно дружелюбен для Истребителя.

Феликс сфокусировал подзорную трубу на приближающейся усадьбе. Та выглядела как-то необычно. Поначалу Феликс не разобрал, в чём странность, однако постепенно понял и указал пальцем. Не хватало людей на близлежащих полях. Вообще никого. Хотя там должны были находиться: крестьяне, повозки, рабочие лошади, солдаты, часовые и верховые курьеры, развозящие сообщения. Феликс окинул взглядом горизонт, чтобы убедиться в своей правоте. Сердце его забилось быстрее. Ладони внезапно покрылись потом. Какое-то болезненное ощущение появилось в животе. Здесь что-то не так. Неужели тут уже побывали войска Хаоса?

Феликс прошептал молитву Сигмару, чтобы ничего не случилось с Ульрикой, а затем добавил ещё одну за её отца и остальных обитателей поместья, но не было уверенности, что молитвы были услышаны. Внимательно разглядывая усадьбу, он заметил следы катастрофы.

Ворота выглядели так, словно их взломали осадным тараном. На каменных стенах виднелись следы пожара. Участки частокола целиком обвалились. Это зрелище до тошноты напоминало ему последствия бойни в форте фон Диела.

— Нет, только не снова, — бормотал он.

— В чём дело, человеческий отпрыск? Что ты увидел? — спросил Готрек.

Феликс не ответил. Единственную надежду ему давало то, что не было заметно ни одного трупа. Хотя он и не был уверен, что это хороший знак. Не было заметно никаких признаков жизни. Никаких следов сражения, за исключением повреждений на зданиях и укреплениях. «Несомненно, — раздумывал он, — должны были остаться тела или хотя бы следы погребения». Он поспешно обследовал местность на предмет наличия массового захоронения или погребального костра. Возможно, вон та насыпь свежая.

— Что ты увидел, человеческий отпрыск? — снова спросил Готрек.

На сей раз его голос прозвучал угрожающе.

— Усадьба подверглась нападению, — ответил Феликс твёрдым голосом, который непонятно как смог сохранить в данных обстоятельствах. — И, похоже, все попросту исчезли.

— Не оставив следов?

— Именно так.

— Мне это не нравится, — произнёс Готрек. — Попахивает западнёй.

Феликс был вынужден согласиться с мнением Готрека. Что-то неправильное было в сложившейся ситуации, что ему, по меньшей мере, тоже не нравилось. С другой стороны, Феликсу отчаянно требовалось выяснить, что случилось с Ульрикой. «Пусть она будет жива!» — молил он.

Воздушный корабль приближался к усадьбе, что казалась заброшенной.

Через окуляры своего перископа серый провидец Танкуоль пристально вглядывался в приближающийся воздушный корабль. И как всегда, это изделие гномов впечатлило его больше, чем хотелось. То обстоятельство, что столь массивному судну удаётся летать, подразумевало более мощную магию, чем его собственная. Хотя он и понимал, что в воздухе огромное судно удерживает не магия, но загадочная технология гномов.

Танкуоль начал грызть бережно хранимые кусочки измельчённого искривляющего камня, сознавая, что вскоре потребуется вся магическая сила, которую тот способен предоставить. Серый провидец ощущал небольшую слабость. Вчера ночью на магический поединок с волшебником-человеком ушли почти все силы. Тщательно подготовленные планы серого провидца едва не сорвались. Кто мог ожидать, что среди людей окажется столь сильный маг? Тем не менее, Танкуоль вышел из поединка победителем, что было неизбежно. Сила истинного служителя Рогатой Крысы всегда будет одерживать верх над хилой магией человечества. Точно так, как замечательным воинам-скавенам в итоге удалось захватить укрепление людей. Танкуоля распирало от гордости, что они таки умудрились это сделать, хотя имели превосходство в численности всего лишь десять к одному. Даже при столь ненадёжных шансах, победа досталась серому провидцу, что явилось достойной наградой гениальности его предводительства.

Они даже захватили нескольких пленных, которые, несомненно, послужат подходящим материалом для экспериментов клана Творцов, когда эта военная операция завершится. Танкуоль страдал при мысли о том, что у них не оказалось достаточно времени, чтобы как следует допросить своих пленников. Серый провидец не знал ничего более расслабляющего, чем подчинять своей воле запуганных людишек. Особенно его порадовало, что удалось

захватить человека-волшебника. Человек потерял сознание от возвратной магической волны, когда попытался отразить последнее заклинание Танкуоля. Нужно будет выпытать из человека секреты его заклятий, когда тот придёт в себя, а у Танкуоля появится время.

Им даже удалось захватить нескольких самок, что явилось неожиданной удачей. Самки были заключены в подвалы, за исключением самой молодой и, по предположению Танкуоля, наиболее привлекательной, которую он собирался использовать для завлечения в ловушку Феликса Ягера и Готрека Гурниссона.

Благоприятным для него оказалось даже время прибытия воздушного корабля. Наступающие сумерки помогали скрыть размещённые в доме и погребах войска, поджидавшие гномов в засаде. При виде воздушного корабля Танкуолю пришло в голову, что Ларк мог выжить и, возможно, с ним можно будет связаться. «Во всяком случае, — подумал Танкуоль, — попытаться стоит. Может оказаться крайне полезным наличие на корабле агента, выполняющего мои задания».

У Ларка раскалывалась голова. Теперь это было обычным явлением. В недалёком прошлом он претерпел больше страданий, чем любой скавен с момента сотворения мира. Как несправедливо. Он не просил становиться незваным пассажиром проклятого воздушного корабля. Он не просил тех изменений, что произошли с его телом. «Это искривляющий камень, — думал Ларк, — и те разряды молний, что ударили по воздушному кораблю, казалось бы, лет сто назад. Они вызвали изменения». Он слышал, что похожие изменения происходят с серыми провидцами после продолжительного употребления искривляющего камня, а лишь одной Рогатой Крысе известно, сколько той пыли он вдохнул с момента, как тупые гномы завели свой дурацкий корабль в Пустоши.

Если бы он только оставался в гондоле, где было безопасно. Воздух там фильтровался сетками, было полно еды, а магия людей и гномов защищала от воздействия Хаоса. Увы, это оказалось невозможно. Его тринадцать-раз-проклятый хозяин, серый провидец Танкуоль, настаивал на ежедневных докладах, но его магия не могла связаться с прислужником, пока тот находился в защищённой зоне. И чтобы угодить проклятому хозяину, Ларк покинул защищённую гондолу. А теперь, когда гондола чуть не лопалась от коротышек, Ларку едва удавалось тут прятаться. Его обнаружение лишь вопрос времени, и Ларк сомневался, что столь многих воинов-гномов смог бы одолеть даже невероятной силы скавен вроде него.

И он не знал, что хуже — боль, раскалывающая голову, или голод, глодающий его внутренности. Ларк не мог припомнить, чтобы когда-либо был столь голоден, даже после сражения, когда каждый скавен наиболее нуждается в пище. Голод стал его одолевать после того, как изменилось его тело. Теперь он стал огромен и мускулист, как никогда ранее, с большими, как у крысоогра, мышцами и крупным, словно канат, хвостом. Тело увеличилось, наверное, раза в два против прежнего размера, а когти напоминали кинжалы. Выпячивающиеся рога, похожие на те, что находились на черепе серого провидца Танкуоля, выросли на его голове. «Неужели я становлюсь серым провидцем? — недоумевал Ларк. — Или это всего лишь знак какого-то иного благословения Рогатой Крысы?» Как раз сейчас Ларк не чувствовал себя особо благословлённым. Прямо сейчас он ощущал усталость, голод и жалость к самому себе. Ларк испытывал вполне позволительные опасения перед лицом врага, которые некоторые ошибочно называли „страхом“. А в голове раздавалось это странное жужжание. Жужжание, которое, казалось бы, начало обретать форму слов.

— Ларк! Вот болван! Это ты?

Ларк не понимал, то ли это галлюцинация, вызванная голоданием, то ли перенесённые ужасы,

в конце концов, свели его с ума. Однако странно знакомым показался голос - раздражающее высокомерие и презрение ко всем остальным.

— Ларк! Отвечай мне! Я знаю, что ты тут! Я тебя чувствую!

Лапы Ларка нащупали амулет, который выдал ему серый провидец Танкуоль. «Неужели такое возможно? — вопрошал Ларк. — Неужели после долгого времени Танкуоль умудрился восстановить связь?»

— Я вижу воздушный корабль, олух ты эдакий! И могу ощущать твои ничтожные мысли. Если не ответишь мне — сожру твою жалкую душонку и скормлю твой разлагающийся труп Костодёру.

Первые слабые проблески возмущения вспыхнули в мозгу Ларка: «Кто такой этот серый провидец Танкуоль, чтобы обращаться к Ларку в подобной манере после того, что ему довелось вынести? Предпринимал ли когда-либо Танкуоль опасное путешествие в Пустоши Хаоса? Доводилось ли ему проделать столь длинный путь на опасном экспериментальном средстве передвижения? Подвергался ли Танкуоль когда-либо воздействию пыли искривляющего камня и мутировал ли в столь неудержимое создание? Пусть только попробует скормить меня Костодёру, — подумал охваченный яростью Ларк. — Я разорву это существо на куски, сожру его плоть, высосу мозг из разломанных костей, а хрящи выплуну на тебя, могучий серый провидец Танкуоль. Вот увидишь».

Однако Ларк потянулся и дотронулся до кристалла.

— Могущественнейший из хозяев, — прочирикал он. — Неужели это действительно ты? Неужели твоё всемогущее волшебство наконец-то преодолело ужасные препятствия, созданные на его пути мерзкими гномами, и ты восстановил связь со своим верным Ларком?

— Да, идиот, восстановил!

Угрожающая мысль пронеслась через эфир и засела в мозгу Ларка. Скавен был изумлён тем, как его рот и сознание могут излагать столь явную и лицемерную лесть, пока его подсознание и вся душа терзались от возмущения. Ларк понимал — представься ему возможность, он убьёт Танкуоля, и мир от этого станет только чище. Серый провидец некомпетентен и безумен. Он заслуживает смерти и замены на кого-нибудь получше. Кого-то вроде Ларка, если уж честно. Теперь Ларк понимал, что искривляющий камень изменил не только его тело, но и разум наряду с характером. Он стал умнее, и у него открылись глаза на многие вещи. Теперь ему было ясно, что он смышлёнее Танкуоля, и сможет руководить гораздо лучше, если выпадет шанс. Немного подумав, Ларк решил, что лучше всего придерживаться благоразумной осторожности скавенов.

— Где ты, могущественнейший из хозяев?

— Я в человеческой крепости под тобой, жду, когда захлопнется ловушка за этими глупцами коротышками. А теперь докладывай! Где ты был? Почему не отвечал на мои мощные магические вызовы на связь?

«Потому что до меня они не дошли, властолюбивый ты дурень», — подумал Ларк, но ответил:

— Возможно, мой слабый мозг не способен вобрать в себя столь мощное волшебство, искуснейший из чародеев.

— Докладывай! Сколько гномов на борту воздушного корабля? Имеет ли он повреждения? Где вы находились? Много ли сокровищ на борту?

«О чём говорит этот сумасшедший скавен? Сокровища? Какие тут могут быть сокровища? Серый провидец Танкуоль понятия не имеет о том, что происходит на корабле, это более чем очевидно. Он полагает, что я свободно перемещаюсь по воздушному кораблю? Что гномы радостно приветствуют меня и отвечают на все мои вопросы?» — презрение Ларка к Танкуолю росло с каждой проходящей минутой. А его рот произнёс:

— На какой вопрос я должен ответить сперва, мудрейший из предводителей?

— Отвечай, на какой пожелаешь, но быстро-быстро! У нас будет не так много времени, прежде чем...

— Прежде чем что, проницательнейший из властителей?

— Неважно. Просто будь готов действовать, когда получишь мой приказ.

— Всегда готов, представительнейший из командиров.

Закрыв глаза, Ларк мог представить перед собой серого провидца Танкуоля — красные глаза светятся безумным знанием, с губ капает пена от понюшек искривляющего камня, к которым тот пристрастился. Хотел бы Ларк, чтобы серый провидец прямо сейчас оказался перед ним в пределах досягаемости, чтобы сломать ему костлявую шею. Ларк изогнул свои когти в предвкушении.

— Скоро корабль причалит и наша ловушка сработает! Приготовься произвести как можно больше смятения и хаоса среди недомерков, но осторожнее — не повреди воздушный корабль!

«Ты имеешь в виду, подготовиться к тому, что меня прикончат из-за твоих сумасшедших интриг?» У Ларка не было намерения подвергать опасности свою жизнь ради великой славы серого провидца Танкуоля. Ему пришло в голову, что он и так довольно часто рисковал жизнью, не совершая оплошностей, за что Танкуоль ему обязан.

— Конечно, хозяин. Слушаю и повинуюсь, — произнёс Ларк.

— Хорошо-хорошо! Следи за тем, что делаешь, и будешь достойно вознаграждён. Подведёшь меня и...

— Я всё понял, убедительнейший из ораторов. Я не подведу тебя.

— Теперь отвечай на мои вопросы! На борту много гномов?

Ларк ответил на поток вопросов, осторожно преувеличивая силы гномов во всех отношениях. Заранее подготовить оправдания для серого провидца Танкуоля — идея неплохая. Кое-чему Ларк всё-таки у своего хозяина научился.

Феликс пристально рассматривал усадьбу. Как он и опасался, дело было плохо. Никаких признаков жизни. Нет! Погоди-ка! Что это там? Что за движение за окном? Он навёл подзорную трубу на окно, однако время ушло? и ничего там не оказалось.

— Я считаю, нам лучше спуститься вниз и проверить, — раздражённо произнёс Готрек, снимая руку с перевязи и пробуя пошевелить мускулами.

— А что, если это ловушка? — спросил Феликс.

— И что с того, человеческий отпрыск? Даже если это и есть ловушка?

Феликс тщательно обдумал его слова. Весьма заметно, что Истребитель по-прежнему нацелен на поиски смерти. Но в этот раз Феликс стремился присоединиться к нему. Феликсу нужно выяснить, что же там внизу произошло. Не заботясь о последствиях, он хотел знать, что случилось с Ульрикой. И её народом — пришла запоздалая мысль, однако, чувствуя себя виноватым, Феликс вынужден был признать, что внизу находится лишь один человек, чья участь его действительно волнует.

— Мы спускаемся вместе, — заявил Феликс.

— Снорри пойдёт с вами, — сказал Снорри.

— Я думаю, остальные должны оставаться на воздушном корабле, — высказался Борек. — Нет смысла рисковать всем и всеми на последнем этапе путешествия.

По крайней мере, старый учёный приличия ради выглядел смущённым, произнося эти слова. Феликс его не винил. Если бы командовал кораблём он, то запретил бы спускаться вниз всей команде за исключением Истребителей. И единственная причина, по которой не запретил бы Истребителям — понимание, что отдавать им какие-либо приказы бесполезно.

— Мы причалим к башне, — сказал Борек. — И вы сможете спуститься вниз. По крайней мере, эта штука по-прежнему стоит. Да и выглядит абсолютно неповреждённой. Это удача.

— Ой ли? — заметил Феликс, обнажая свой меч с эфесом в форме дракона. — Я сомневаюсь, что тут как-то замешана удача.

Серый провидец Танкуоль тихо и злобно посмеивался. Всё складывается как нельзя лучше. Все фигуры на своих местах. Ему даже удалось восстановить связь с этим придурком Ларком. Танкуоль подумал, что мелкий крысёныш, возможно, окажется в какой-то мере полезным, хотя больших надежд на него не возлагал. В прошлом Ларк не смог доказать на деле, что является таким уж ценным слугой. Хотя, как знать.

Он рассматривал самку с белым мехом, которую приказал доставить из подвала. Как он предполагал, по странным стандартам людей она была привлекательна, и кто его знает, придётся ли ему использовать её в роли приманки. Лишь одной Рогатой Крысе известно, почему самцы-человеки так упорно защищают своих самок.

Танкуоль угрожающе оскалил на неё клыки, но к его удивлению, самка не выказала ни страха, ни трепета. Наоборот, она плюнула ему в лицо. Танкуоль слизал слюну длинным тонким языком и угрожающе изогнул свои когти. И самка снова его удивила. Она потянулась за рукоятью меча, что ранее висел в ножнах на её талии, а Танкуоль неожиданно обрадовался, что меча там не оказалось. Похоже, что эта самка может быть по-настоящему опасной.

— Веди себя тихо! — мягко и угрожающе прочирикал он. — Или лишишься жизни. Слово серого провидца Танкуоля.

Если она и знала его имя, то не подала виду.

— Всегда следует знать имя крысы, которую собираешься прикончить, — произнесла она.

Танкуоль приоткрыл глаза и дал самке возможность узреть силу его горящего взора. На сей раз она немного оробела, как едва ли не все, кто оказывался лицом к лицу перед этим сверхъестественным блеском.

— Не глупи, самка. Убить меня тебе не удастся. Жизнь твоя в моей власти. Если разозлишь меня — умрёшь.

— Ты тот самый скавен-волшебник, о котором рассказывал Феликс, — прошептала она столь тихо, что Танкуоль едва-едва, но всё же расслышал.

— Ты знаешь проклятого Феликса Ягера? — требовательно спросил он.

Похоже, она обнаружила свою оплошность, закрыла рот и более не произнесла ничего.

Танкуоль обнажил клыки в усмешке:

— Интересно. Весьма-весьма.

Серый провидец обдумал эту информацию, соображая, как он может воспользоваться подобным знанием, прикидывая, какова природа взаимоотношений этой самки и Феликса Ягера. Они спариваются? Такое возможно. Люди постоянно находятся в состоянии течки. Такова их особенность. Есть ли у них детёныши? Нет. Времени прошло недостаточно. Танкуоль выругался. Знай он об этом ранее, возможно, смог бы как-нибудь воспользоваться этой информацией. А сейчас времени нет. Ему следует подготовить свой разум к великому заклятию связывания.

— Костодёр! Следи за этой самкой. Не дай ей сбежать, — приказал Танкуоль.

Почувствовав на себе чужой взгляд, он заметил, как пристально смотрит на него лидер когтя клана Творцов, стоящий к нему ближе остальных. Серый провидец прикидывал, что тот слышал из обмена репликами между Танкуолем и самкой? Не имеет значения. Скоро появится достаточно времени во всём этом разобраться. Враги уже почти у него в лапах.

Феликс наблюдал, как воздушный корабль осторожно приближается к башне. Гномы забросили захваты и потихоньку притянули корабль на место. Между башней и кораблём протянулся погрузочный трап. Феликс вынул меч с эфесом в виде дракона и приготовился к долгому спуску на землю. Он нервничал. Ощущал на себе злобные взгляды. «Разыгралось воображение», — убеждал он себя, сознавая, что это не так.

— Готов, человеческий отпрыск? — спросил Готрек.

— Как обычно.

— Снорри тоже готов, — добавил Снорри Носокус.

— Тогда пошли.

Проходя по трапу быстрым шагом, Феликс снова заметно встревожился от того, как трап прогибается под его весом, и насколько высоко они находятся. Ветер развеивал его длинный красный плащ и дёргал за волосы. Лишь в северных степях ветер бывает таким студёным.

Готрек и Снорри, обмотанные бинтами, выглядели бы комично, не будь они столь серьёзны. Феликс сомневался, что кто-либо в здравом уме стал бы смеяться над двумя Истребителями,

пока они в таком настроении. Ему и самому не очень-то хотелось смеяться. Феликсу ничего не оставалось делать, лишь только наблюдать, как Готрек и Снорри медленно передвигаются, оберегая травмированные части тела. Он надеялся, что нападать на них внизу некому. Феликс знал, что полностью здоровый Готрек мог противостоять практически всему, что ходит на двух ногах, и почти всему на четырёх. Но сейчас гном был тяжело ранен, что крайне плохо скажется на нём, если придётся сражаться.

— Я пойду первым, — сказал Феликс, подходя к лестнице.

Он сомневался, что сейчас будет работать подъёмная клеть, и ему в любом случае не хотелось оказаться пойманным в ней, если на них нападут. Слишком смахивает на смертельную западню.

— Размечтался, человеческий отпрыск, — произнёс Готрек.

— Снорри тоже ищет смерти, — сказал Снорри. — Твоя задача — написать о ней, юный Феликс.

— Я согласился сделать это лишь для Готрека, — раздражённо ответил Феликс.

— Да ладно, случись Снорри оказаться там, где я найду свою погибель, ты же не пожалеешь для него пары строчек, человеческий отпрыск?

Феликс смотрел вниз на землю. Он был почти уверен, что видел движение за окнами главного дома.

— Есть внизу кто живой? — закричал он.

Не было смысла таиться. Прибытие „Духа Грунгни“ уже бы увидел и услышал любой враг.

— Конечно же, есть, человеческий отпрыск, — сказал Готрек. — Я их слышу.

— Снорри чует скавенов, — заявил Снорри.

— Замечательно, — заметил Феликс. — Как раз этого нам и не хватало.

— Я рад, что ты так думаешь, юный Феликс, — сказал Снорри. — Снорри думает так же.

— Мне нужно свести кое-какие счёты с этими крысолюдьми, — произнёс Готрек.

— Я более чем уверен, им тоже есть, что нам предъявить, Готрек, — заметил Феликс.

После Нульна он был уверен в том, что скавены едва ли склонны к общению с ними. Это уж точно. Феликс заставил себя продолжить спуск.

* * *

Ларк бродил по огромному аэростату. Он понимал, что воздушный корабль готовится к остановке. Он слышал, как шум двигателей постепенно затихал и смолк. Сначала он ощутил, как корабль вздрогнул, словно наткнувшись на что-то, а затем слабое боковое покачивание, словно корабль привязывали. Ларк понимал, что подходит его время действовать. Но в своих интересах, а не серого провидца Танкуоля. Ларк понимал, что если он вообще собирается сбежать с этого проклятого судна, полного коротышек, не будет времени лучше, чем во время атаки Танкуоля. Команда будет занята, а Ларк совершит побег. Позже у него будет время оправдаться перед Танкуолем. Ларк принялся готовиться к активным действиям.

Ульрика наблюдала за маленькими фигурами, вышедшими на верхнюю платформу башни. Среди них, насколько она разглядела, был Феликс. У неё упало сердце. Так плохо она не чувствовала себя с тех пор, как атакующие силы скавенов прорвались за стены и начали убивать её людей. Она утешалась мыслью, что убила, по меньшей мере, полдюжины шныряющих чудищ, прежде чем её огрели дубиной сзади.

Не то чтобы это что-то меняло — тварей там было слишком много. Однако по её подсчётам люди уничтожили добрую половину войска скавенов. Из-за беспокойства она чувствовала себя плохо. Целый день Ульрика провела запертой в подвале, из которого сделали тюремную камеру, не зная, жив ли ещё отец и её друзья. А теперь ещё была вынуждена наблюдать, как этот злорадный волшебник-альбинос с рогатой головой готовится напасть из засады на Феликса и его команду. Она не надеялась, что им удастся отразить атаку крысолюдей. Гномов на борту корабля было недостаточно, чтобы противостоять чирикающим ордам.

Ульрика огляделась по сторонам, желая снова обзавестись оружием. Не то чтобы Ульрика предполагала, что есть шансы против огромного крысоогра-телохранителя серого провидца Танкуоля, даже будь она отлично вооружена, но могли обнаружиться хоть какие-то возможности. Выходило, что надеяться не на что. Хотелось бы ей обладать волшебной силой Макса Шрейбера, тогда не имело бы никакого значения, вооружена она или нет. Какие опустошения маг произвёл прошлой ночью перед тем, как на её глазах его поразило какое-то заклинание безумного крысолюда! Шрейбер в одиночку уничтожил, должно быть, полсотни скавенов.

Такие мысли ни к чему не ведут. Как говаривал отец: «Будь желания лошадыми, все бы ездили верхом». Она должна сделать что-нибудь, как-то предупредить Феликса и остальных и суметь убежать. Ульрика думала над этим. Даже если нет возможности убежать, она должна предупредить гномов. Она истинная дочь своей суровой родины. Если ей суждено поплатиться жизнью — так тому и быть.

Ульрика оглядела зал и колышущееся море крысоподобных лиц. «Как ни печально, они — последнее, что мне доведётся увидеть в жизни, — подумала Ульрика и, помедлив мгновение, открыла рот, приготовившись поднять тревогу.

Серый провидец Танкуоль почувствовал прилив внутренней энергии. Почти настало его время действовать. Гурниссон, Ягер и прекрасный, замечательный воздушный корабль почти у него в лапах.

Танкуоль залез в мешочек и нащупал необходимые компоненты: кусочек намагниченного искривляющего камня; покрытый рунами обломок металла; тринадцатигранный амулет, с вырезанными на них тринадцатью смертоносными рунами невероятной мощи. У него было всё, что требовалось. Танкуоль готов был начинать. На сей раз его врагам не скрыться. В этом уж он был уверен.

Серый провидец развёл лапы, сосредоточился, зачерпнул энергию ветров магии и приготовился произнести заклинание.